

УДК 811.512.141'367(045)

*Г.У. Кабирова***ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОЙ ПОЛНОТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕМЫМ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена проблемам изучения простых предложений с именным сказуемым в башкирском языке. Изучение структурно-семантических особенностей данных предложений необходимо для выяснения степени полноты/неполноты изучаемых конструкций, так как отсутствие такого исследования затрудняет определение типов предложения в учебниках и учебных пособиях. В работе конструкции с именными сказуемыми рассматриваются как самостоятельные двусоставные модели, сообщающие о предмете и его признаке, т.е. полнота содержания достаточно выражена собственными лексико-грамматическими средствами.

Ключевые слова: синтаксис, предложение, именное сказуемое, сказуемость, модальность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-271-276

Синтаксический строй современного башкирского языка изучен достаточно полно. В последние годы появились монографические исследования, освещающие различные аспекты синтаксиса простого и сложного предложений в целом. Изучение структуры предложений с именным сказуемым необходимо для устранения разногласий в определении типа, выяснения степени полноты/неполноты указанных предложений. Дело в том, что в лингвистике нет единого взгляда на рассматриваемые конструкции. Некоторые лингвисты предложения типа *Мин Өфөнән, Ер халыктыкы, Яланда яңгыз йорт* считают неполными, эллиптическими (собственно-эллиптическими). Однако «для понимания такого предложения нет необходимости ни в контексте, ни в ситуации, так как полнота содержания достаточно выражена собственными лексико-грамматическими средствами данного предложения» [7, с. 221]. В этих предложениях место сказуемого занимают другие члены предложения. Конструкции типа *Мин каланан, калала – көз* достаточны по смыслу и независимы от контекста, ситуации. Эти предложения, как и неполные, характеризуются незавершенностью, разорванностью грамматических связей. В них отсутствует глагольное сказуемое, общее значение которого подсказывается семантикой имеющихся компонентов синтаксического целого. Смысловую нагрузку в этих синтаксических структурах берут на себя другие второстепенные члены предложения, т.е. глагольное сказуемое с вещественным значением становится ненужным [4]. Основным фактическим материалом для изучения послужили произведения башкирских писателей и поэтов, произведения устно-поэтического творчества, материал публицистики и – частично – разговорной речи. Как показывает анализ языкового материала, в башкирском языке так же, как и в русском, основной тип простого предложения строится по следующей схеме: форма основного падежа имени существительного и личная форма глагола. Например: *Кыш етә* ‘Зима наступает’. Значительная часть современных синтаксических теорий ставит общее определение структуры предложения в зависимость от наличия глагольных форм, имеющих значение лица, времени, наклонения (формы сказуемости). Но при таком понимании синтаксическое учение о предложении не отражает всего многообразия структурно-грамматических форм, свойственных башкирскому языку. Глагольный тип предложения не только ставится в центр башкирского синтаксиса, но и подавляет все другие типы и виды предложений. Дело в том, что основными признаками любого предложения являются модальность и предикативность. Это укрепляет позиции сторонников универсальной глагольности, так как объективная модальность выражается наклонением глагола. Однако попытка придать глаголу характер определяющего признака предложения вообще должна быть признана неправомерной. Анализ языкового материала доказывает, что предикативность свойственна предложению в целом, независимо от наличия в его составе глагола [1, с. 402-403]. П.А. Лекант считает необоснованным выдвигать сказуемое как констатирующий член предложения, так как предикативность свойственна всем предложениям независимо от наличия в них глагола [6, с. 7-8]. В двусоставных предложениях с глагольными сказуемыми глагол выступает в единстве лексического и грамматического значений. В рассматриваемых нами предложениях, грамматическое значение времени и наклонения присутствует без глагола, наличие которого в таких предложениях необязательно. Г.А. Золотова утверждает, что не все существительные в косвенном падеже управляются глаголом, они «ни существованием, ни формой, ни значени-

ем не обязаны глаголу» [3, с. 191]. Все эти замечания русистов можно отнести и к башкирскому языку. Такими формами считаются формы с пространственным и локальным значениями *калала* ('в городе'), *ауылда* ('в деревне'); формы со значением направления *мәктәпкә* ('в школу'), *ярга табан* ('к берегу'); формы с временным значением *февралда* ('в феврале'), *иртән* ('утром'). Например: *Ул бит калала* (Р. Низамов) 'Он ведь в городе'; *Бына без Себерзә* (Д. Исламов) 'Вот мы в Сибири'. Но следует отметить, что существительные в косвенном падеже, обозначающие объект действия, зависимы от глагола. Это объясняется тем, что «сама категория объекта действия в системе связей внеязыковой реальности производна от категории действия, направленного на тот или иной предмет» [3, с. 190]. Предикативное сочетание двух именных форм без глагола достаточно для образования предикативного минимума, то есть для сообщения о предмете и предикатируемом признаке, выражающем отнесенность к действительности в одной из форм времени, модальности и лица. Безглагольность таких конструкций представляет собой их конструктивный признак, свойство структурного типа. Степень полноты и неполноты у основных типов безглагольных конструкций различна и зависит от их типизирующей семантики, синтаксических значений правой и левой синтаксем, возможностей лексического наполнения элементов и способности образовывать трансформы. В тюркологии неполные предложения подразделяются на три основные группы: 1) неполные предложения, опущенные члены которых могут быть восстановлены по предшествующим предложениям (контекстуальные); 2) неполные предложения, опущенные члены которых могут быть восстановлены в речевой ситуации (ситуативные); 3) неполные предложения, опущенные члены которых становятся понятными, исходя из общего смысла высказывания (эллиптические неполные предложения).

Внимание к функционально-синтаксическим свойствам именных синтаксем, анализ их компонентной роли позволяют разграничить два типа структур. По признаку наличия / отсутствия в их составе связанных именных синтаксем различаем: 1) неполные глагольные предложения; 2) полные безглагольные предложения, для объяснения состава которых достаточно наличных компонентов и нет надобности домысливать «отсутствующие».

Данные башкирского языка свидетельствуют о том, что выражение сказуемого любыми знаменательными частями речи, модальными словами является характерной особенностью не только башкирского, но и других тюркских языков. По мнению лингвиста М.Б. Кетенчиева, употребление именных частей речи в косвенных падежах в роли сказуемого характерно для тюркских языков и представляет собой «развивающийся фактор» [5, с. 9]. Материал башкирского языка подтверждает правильность данного высказывания, т.е. структура двусоставного предложения с именным сказуемым варьируется в зависимости от состава сказуемого, которое может быть выражено различными именными частями речи и категориями: существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, фразеологическими оборотами, устойчивыми словосочетаниями и может включать в себя связку.

Имя существительное, выступающее в роли именного сказуемого или входящее в составное или сложное именование, может быть в форме основного падежа, а также всех косвенных падежей без предлогов. Эти формы могут употребляться как самостоятельно (простое именование), так и в сочетании с глаголом-связкой «*быть*» в личных формах и т.д. По мнению М.З. Закиева в татарском языке, в отличие от русского, нет связки, образующей составное именование, а есть лишь аффиксы сказуемости: для первого лица – *-мын/-мен*, для второго лица – *-сың/-сең*, для третьего лица – *-дыр/-дер*. То же самое наблюдается и в башкирском языке.

«Сказуемость – это грамматическая категория, и при том важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью»; «категория сказуемости, хотя и не совпадает с категорией глагольности, однако оказывается теснейшим образом связанной с ней. Можно сказать, что глагольность ... лежит в основе сказуемости» [8, с. 149, 151]. Тюркологи считают, что аффиксы сказуемости по своему происхождению восходят к личным местоимениям. Как в древних, так и в современных тюркских языках имеются случаи использования личных местоимений в качестве аффикса сказуемости. В башкирском языке в значении аффикса сказуемости при именах часто используются личные местоимения третьего лица: *Хәсән укытыусы ул*. 'Хасан – учитель' (дословно 'Хасан учитель он'). При этом можно отметить, что отдельные слова сохраняют стабильность звукового состава, т.е. не подчиняются сингармонизму [2, с. 30]. Применительно к третьему лицу именование в большинстве тюркских языков употребляется с аффиксом сказуемости *-dur*, который этимологически восходит к глаголу *-durmag* («стоять»). Тюрколог Н.К. Дмитриев считает, что в башкирском языке аффикс третьего лица почти всегда опускается. В живой речи этими аффиксами не пользуются, зна-

чение лица и числа выражается личным местоимением субъекта, наличие которого в данном случае обязательно: *Мин студент*. 'Я – студент', т.е. в башкирском языке наблюдается тенденция к замене категории сказуемости чисто синтаксическим сочетанием подлежащего и именного сказуемого. Однако данные башкирского фольклора доказывают, что в прошлом употребление аффиксов сказуемости было нормативным. Конструкции с *бар / юк* можно считать характерными для пратюркской языковой общности, поскольку возраст их значителен. Аффиксы *бар / юк* создали особый тип именного сказуемого, употребляющегося без аффиксов сказуемости в большинстве тюркских языков. В башкирском языке все формы имени существительного способны присоединять к себе аффиксы сказуемости. К этим формам мы с уверенностью можем отнести имя существительное основного, местно-временного, исходного падежей, категории принадлежности. Аффиксы сказуемости придают предложениям значение категорического утверждения. Безглагольные предложения, независимые от контекста, нельзя считать неполными. Это самостоятельные двусоставные именные модели предложения, сообщающие о предмете и его признаке. М.Б. Кетенчиев, Ф.С. Сафиуллина, М.З. Закиев, Д.С. Тикеев относят такие предложения к двусоставным с именным сказуемым. Ф.С. Сафиуллина считает, что в этих предложениях «второй компонент не замещает сказуемое, он является им» [9]. Предикативность в этих предложениях выражается не эллипсисом, а предложно-падежными формами имени. Такой подход позволяет определить указанные предложения как двусоставные с именным сказуемым. Мы считаем, что предложения такого типа являются семантически полными, а по структуре соотносительными с неполными. В этих предложениях второстепенные члены, выраженные существительными в косвенных падежах, стали восприниматься как сказуемые. Рассматриваемые нами конструкции можно считать как самодостаточные по смыслу, независимые от контекста и ситуации. В этих предложениях глагольное сказуемое было опущено как само собой подразумеваемый избыточный элемент речи, а второстепенные члены, выраженные существительными в косвенных падежах, стали восприниматься как сказуемое. Многие предложения со сказуемым такого типа образовались в результате того, что неполные предложения трансформировались в полные. Но их нельзя считать вариацией полных предложений. Они самодостаточны по смыслу и не нуждаются в глагольном сказуемом. Мы считаем эти предложения двусоставными с именным сказуемым. При изучении предложений с именным сказуемым следует обратить внимание на понятие валентности. Предикаты таких предложений, как и предикаты глагольных, отличаются своей валентностью, так как форма и содержание предложения определяются валентностью его предиката и характером лексического наполнения открываемых им синтаксических позиций. В определении понятия валентности нет единства среди ученых. По мнению М.Д. Степановой и Г. Хельбиг, валентность проявляется тремя способами:

- 1) основным носителем валентности в предложении является глагол в личной форме;
- 2) основным носителем валентности в предложении может быть глагол как в личной, так и в неличной форме;
- 3) основным носителем валентности в предложении является предикат в целом [10, с. 187].

Для башкирского языка все они важны, но мы считаем, что наиболее приемлемым является третий вариант, так как предикат выражается не только глаголами, но и именными частями речи: *Улар ямак, усал кешеләр* (Р. Өмөтбаев) 'Они некрасивые, злые люди'; *Ауылдың башка юлдары ла бар* (З. Ураксин) 'У деревни есть другие дороги'; *Бөгөн узбәктәр за, грузиндар за юк* (Д. Исламов) 'Сегодня нет ни узбеков, ни грузинов'.

Фактологический материал башкирского языка показывает, что с одной стороны, подлежащее может быть выражено не только основным падежом, но и другими формами, с другой – не всякое имя в основном падеже становится подлежащим. В башкирском языке в предложениях с именным сказуемым, подлежащее может быть выражено существительным, местоимением, любым субстантивированным словом и иметь различные значения, так как подлежащим может быть слово, обозначающее одушевленный и неодушевленный предмет. Например: *Мин башкорт* (Р. Ниғмәти) 'Я – башкир'; *Ваҡыт һеззекә* (М. Кәрим) 'Время ваше'; *Китап белем шишмәһе* (Пословица) 'Книга – источник знаний'; *Һугыш – ирҙәр эше* (И. Абдуллин) 'Война – мужское дело' и др.

Из приведенных примеров видно, что в башкирском языке подлежащее может быть выражено различными частями речи, в том числе и фразеологическими сочетаниями, однако чаще всего в этой роли употребляются имена существительные и местоимения. В лингвистической литературе отмечается, что имя существительное не только может обозначать конкретно, реально воспринимаемый предмет, имеющий пространственно-временные характеристики, но может также называть предмет

абстрактно, выражать идею, понятие предмета или указывать на его качественные особенности: *Һүз – дарья, күңел – каналъя* (М. Кәрим) ‘Слово – море, душа – каналъя’; *Өмөт – фәкирзәр аллаһы* (М. Кәрим) ‘Надежда – бог бедных’. Именное сказуемое двусоставного предложения называет тот признак предмета, обозначенного подлежащим, о наличии или отсутствии которого говорящий в этом предложении сообщает *Зөбәржәттең егете бар* (З. Ураксин) ‘У Зубаржат есть парень’.

По мнению профессора Д.С. Тикеева, простое именное сказуемое в башкирском языке употребляется лишь в двух случаях «в предложениях с вневременным значением *кыяр, кабак, һуган – йәшелсәләр* ‘Огурец, тыква, лук – овощи’; в предложениях, действие которых относится к настоящему времени *Минең әсәйем укытыусы* ‘Моя мама – учительница’ [11].

Многообразие типов именного сказуемого зависит, во-первых, от того, какой частью речи выражен именным компонент; во-вторых, от того, что представляет собой связочный компонент. В роли именного компонента могут выступать имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, модальные слова. В тюркских языках признак, выражаемый сказуемым в именной форме, представлен широко и семантически может означать состояние, процесс, движение, количество, качество, свойство и т.д. Анализ фактов башкирского языка свидетельствует о том, что предложения с именными сказуемыми в большинстве случаев имеют подлежащно-сказуемостную или субъектно-предикатную структуру. Позицию второго компонента в таких конструкциях занимают имена существительные в различных падежных формах. Основной падеж имени в башкирском языке наиболее употребителен в качестве предиката именных конструкций. Специфика предложений со структурной схемой $S_1 - S_1$ (их принято называть «бисубстантивные» предложения) – это отношение между двумя существительными. Лингвисты отмечают, что имя существительное в основном падеже может выступать в роли простого сказуемого в сочетании с лексически ограниченным словом. Сочетание подлежащего с именным сказуемым, выраженным формой основного падежа, может быть устойчивым, фразеологически неразложимым. Само предложение приобретает общее значение оценки: *Бурлыктың һуңы – хурлык* (Пословица) ‘Воровство – позор’. Анализ материалов башкирского языка, показывает что в нем в роли простого именного сказуемого часто используются собирательные имена существительные на *-лык /-лек* в основном падеже, служащие для выражения отношения говорящего к какому-либо явлению, событию, действию, подразумеваемому в подлежащем *Ялкаулык – хурлык, тырышлык – зурлык* (Пословица) ‘Лень – стыд, трудолюбие – богатство’.

В именных предложениях башкирского языка функцию сказуемого могут выполнять также имена существительные с показателями категории принадлежности. *-(ы)м/-(е)м, -(ы)быз/-(е)без; -лары/-ләре* и их фонетическими вариантами. Категория принадлежности выражает отношения между предметами, вещами, лицами с точки зрения их принадлежности и конкретизирует предмет, принадлежащий кому-либо: *Был – минең илем!* («Ағизел») ‘Это моя страна’, – или чему-либо, а также владельца данного предмета. Категория принадлежности в башкирском языке также выражается при помощи аффиксов *-неке/-ныкы*. Подобная точка зрения восходит к положению Н.К. Дмитриева о возможности выражения абстрактной принадлежности в тюркских языках синтаксическим способом, т.е. так же, как в русском языке: ‘Это книга моя’. При этом сделана оговорка, что подобным образом выраженная принадлежность «должна быть изучена отдельно от морфологической категории принадлежности». Аффикс *-ныкы* как средство синтаксической связки употребляется в составе сказуемого и служит для выражения притяжательного отношения между подлежащим и сказуемым: *Хөррият, халык власы – Шамундыкы* (Д. Исламов) ‘Свобода, власть народа у Шамуна’. Рассматривая употребление двух форм категории принадлежности в функции сказуемого, мы видим следующие явные различия. Главным значением предложений со сказуемым, выраженным формой на *-ым/-ем, -ың/-ең*, является единство субъекта и предиката; предмет или лицо, о которых сообщается в данном предложении, принадлежат некоему первому, второму или третьему лицу. В предложениях, где сказуемое выражено именем существительным в форме на *-ныкы/-неке*, предмет или лицо, названное в подлежащем, принадлежат именно тому предмету или лицу, о которых говорится в сказуемом.

В башкирском языке в функции сказуемого также широко используются имена существительные с показателями категории сказуемости, которые присоединяются к формам основного, местного, вневременного, исходного падежей, категории принадлежности: *Мин Атангол Туганмын* (Ф. Хөсәйенов) ‘Я Атангул Туган’. Употребление аффиксов сказуемости при оформлении именного сказуемого придает предложению значение категорического утверждения. Роль сказуемого также могут выполнять формы множественного числа имени существительного. *Без геодезистар* (Р. Низамов) ‘Мы геодезисты’. Имя

существительное в функции сказуемого может выражать значение сравнения. Этому способствуют аффиксы *-дай/-дәй*, *-тай/-тәй*, *-зай/-зәй*. Существительные могут употребляться также и с предположительными частицами *-дыр/-дер*, *-лыр/-лер* и их фонетическими вариантами, которые придают сказуемому значение предположения, сомнения: *Һатыусы кыз клубталыр* 'Наверное, девушка-продащица в клубе'. Простое именное сказуемое в башкирском языке может выражаться также именами существительными с вопросительными частицами *-мы/-ме*, *-мо/-мө*, вносящими в семантику предложения значение вопроса. Таким образом, именное сказуемое может быть простым, сложным и составным. Анализ материалов башкирского языка позволяет нам сделать следующий вывод: в двусоставных предложениях с именным сказуемым, наиболее употребляемым является простое именное сказуемое, которое характеризуется многообразными грамматическими формами, передающими различные значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 389-435.
2. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд-во КГУ, 1963. 464 с.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 308 с.
4. Кабирова Г.У. Структурно-семантические особенности предложений с именным сказуемым в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 43 с.
5. Кетенчиев М.Б. Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1993. 80 с.
6. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 143 с.
7. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Учебное пособие для вузов. М.: Рольф, Айрис-пресс, 2000. 448 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
9. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1978. 253 с.
10. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1978. 259 с.
11. Тикеев Д.С. Башкорт телендә исем һөйләмдәрҙең структур-семантик моделдәре // Филология фәннәрен өйрәнү проблемалары: Бөтә Рәсәй ғилми-практик конференцияһы материалдары. I китеп. (Башкорт филологияһы). Стәрлетамак, 1999.

Поступила в редакцию 01.11.2022

Кабирова Гульназ Ураловна, кандидат филологических наук, научный редактор
Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»
450006, Россия, г. Уфа, Революционная 55.
E-mail: g.kabirova2013@yandex.ru

G.U. Kabirova

THE PROBLEM OF STRUCTURAL COMPLETENESS OF SENTENCES WITH NOMINAL PREDICATES IN THE BASHKIR LANGUAGE

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-271-276

The article deals with the problems of studying simple sentences with nominal predicates in the Bashkir language. The study of structural and semantic features of these sentences is necessary to clarify the degree of completeness/incompleteness of studied constructions since the absence of such research makes it difficult to determine the types of sentences in textbooks and tutorials. In the paper the constructions with nominal predicates are considered as independent two-member models that inform about the subject and its feature, i.e. the completeness of the content is expressed by its own lexical and grammatical means.

Keywords: syntax, sentence, nominal predicate, predication, modality.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya [Main questions of sentence syntax] // Voprosy grammaticheskogo stroya [Questions of grammatical order]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. P. 389-435. (In Russian).
2. Zakiev M.Z. Sintaksicheskij stroi tatarskogo yazyka [Syntactic system of the Tatar language]. Kazan: Izdatelstvo KGU, 1963. 464 p. (In Russian).
3. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. M.: Nauka, 1982. 308 p. (In Russian).
4. Kabirova G.U. Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozhenij s imennym skazuemym v bashkirskom yazyke [Structural and semantic features of sentences with a nominal predicate in the Bashkir language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk Autoref. dis. ... candidate of Philology. Ufa, 2010. 43 p. (In Russian).
5. Ketenchiev M.B. Formalno-semanticheskie modeli imennykh predlozhenij v sovremennom karachaevo-balkarskom yazyke [Formal semantic models of nominal sentences in the modern Karachay-Balkar language]. Nalchik, 1993. 80 p. (In Russian).
6. Lekant P.A. Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke [Types and forms of predicate in the modern Russian language]. M.: Vysshaya shkola, 1976. 143 p. (In Russian).
7. Rosental D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. Sovremennyi russkij yazyk. Uchebnoe posobie dlya universitetov [Modern Russian language. Textbook for universities]. M.: Rolf, Iris press, 2000. 448 p. (In Russian).
8. Peshkovsky A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific aspect]. M.: Uchpedgiz, 1956. 512 p. (In Russian).
9. Safullina F.S. Sintaksis tatarskoi razgovornoj rechi [Syntax of Tatar colloquial speech]. Kazan: Izd in Kazan un ta, 1978. 253 p. (In Russian).
10. Stepanova M.D., Helbig G. Chasti rechi I problema valentnosti v sovremennom nemetskom yazyke [Parts of speech and the problem of valence in the modern German language]. M.: Vysshaya shkola, 1978. 259 p. (In Russian).
11. Tikeev D.S. Bashkort telende isem hoilemderthen struktur-semanticheskije modeldere [Structural and semantic models of nominal sentences in the Bashkir language] // Filologiya fenderen oireneu problemalary: Bote Resei gilmi-praktik konferentsiyahy materialdary. I kithek. (Bashkort filologiyahy) [Problems of studying philological science: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Section I. (Bashkir philology)]. Sterlitamak, 1999. (In Bashkir).

Received 01.11.2022

Kabirova G.U., Candidate of Philological Sciences, Scientific Editor
State Autonomous Institution of Science «Bashencyclopedia»
Revolutsionnaya st, 55, Ufa, Russia, 450006
E-mail: g.kabirova2013@yandex.ru